

Т. В. Попова

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА РУССКОГО ГЛАГОЛА В ЗЕРКАЛЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Интенсивное развитие когнитивной лингвистики обуславливает неизбежность нового осмысления традиционных объектов языкознания, в том числе грамматики. Это привело к появлению первых монографических исследований по когнитивной грамматике [см.: Кубрякова, 1997; Волохина, Попова, 1999]. Если первая работа посвящена когнитивному анализу частей речи, то вторая – синтаксическим концептам русского языка. Значительно меньшее внимание уделяется когнитивным аспектам русского словообразования, хотя последнее активно «участвует» в языковой категоризации мира, предопределяющей концептуальную картину мира русского человека.

Среди многочисленных словообразовательных единиц, обладающих когнитивной значимостью (словообразовательных гнезд, парадигм и цепочек, способов словообразования, словообразовательных моделей и типов), особое место занимают словообразовательные значения (СЗ). Именно последние предопределяют семантику производных слов, различные комбинации которых и формируют комплексные деривационные единицы, названные выше.

За СЗ, как и за любыми языковыми значениями, скрываются определенные когнитивные структуры – концепты, «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [Павиленис, 1986, 241]. Анализ производных слов и свойственных им СЗ позволяет понять, «какое концептуальное или когнитивное образование подведено под “крышу” знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире» [Кубрякова, 1993, 23].

Целесообразно попытаться выявить специфику таких словообразовательных концептов, тем более что вопрос о специфике грамматической категоризации мира и грамматических концептов уже поставлен и активно обсуждается лингвистами [см., например: Кубрякова, 1997; Волохина, Попова, 1999; Кубрякова, 2000; Болдырев, 2000]. Перспективным и интересным объектом исследования, на наш взгляд, является деривационная семантика русского глагола, поскольку она, с одной стороны, более сложна, неоднотипна, разноаспектна, чем у слов других частей речи [см.: Янценецкая, 1979], с другой – как любая грамматическая или лексико-грамматическая категоризация – «помогает переходить от более “наивного” отражения действительности (свойственного лексике. – Т. П.) в сторону более обобщенного и более опосредованного ее отражения» [Кубрякова, 2000, 25].

Анализ когнитивных структур, скрывающихся за СЗ русского глагола, позволяет предположить, что «деривационно оформленные» знания обладают некоторыми особенностями.

1. Анализ СЗ делает очевидным тот факт, что СЗ представляют собой концепты разного типа: пропозициональные структуры, фреймы, сценарии, схемы.

В исследованиях Е. С. Кубряковой убедительно доказана пропозициональность русских глагольных и отглагольных СЗ, отражающих один из компонентов ситуации («тот, кто совершает действие, названное мотивирующим глаголом /далее – н. м. г./»), одну ситуацию («совершать действие, н. м. г., N раз») или комплекс взаимосвязанных ситуаций («прийти в состояние удовлетворения /ситуация 1/, совершая действие, н. м. г., длительно или многократно /ситуация 2/»).

Модификационные СЗ (акционсартные СЗ, передающие значения СГД) задают разные модели отражения ситуации, видоизменяя последнюю в количественном, темпоральном, субъектно-объектном и ином аспектах («совершать действие, н. м. г., N раз /долго / с незначительной интенсивностью и т. п.»).

Такие СЗ, как нам кажется, строятся на базе схематических когнитивных моделей. Схема как вид когнитивной структуры, фрейма, не имеет однозначного определения: М. Арбиб, Е. Д. Конклин и Дж. Хилл понимают под схемой сложный вид репрезентации, пучок семантических сеток и правил, посредством которых рецептируются и обрабатываются структуры «внешнего мира» во «внутреннем мире» человеческого сознания; Н. Стиллингс, М. Файнштейн, Дж. Гарфилд и др. максимально сближают схему с категорией и прототипом [см.: Бабушкин, 1996, 21–22]; другие ученые трактуют схему как мыслительный образец предмета или явления, имеющего пространственно-контурный характер [см.: Болдырев, 2000, 36]. Представляется, что при определении сущности этого когнитивного образования необходимо учитывать основное значение существительного «схема», которое хорошо коррелирует с ее пониманием как пучка семантических сеток, пространственного контура явления. Такая интерпретация когнитивного явления, называемого схемой, будет максимально соответствовать модификационным грамматикализированным СЗ: они называют качественно не конкретизированное действие (единственное уточняющее определение – «действие, н. м. г.» – предполагает широкий круг обозначаемых ситуаций) и задают только схему модификации этого действия, сетку, под которую могут быть подведены самые разнородные ситуации.

Мутационные глагольные СЗ обычно отражают не одну, а две и более ситуаций, обозначая действие и его причину (прийти в состояние усталости, совершая действие, н. м. г., слишком долго, интенсивно или многократно: *убегаться*), действие и его цель (совершать действие, н. м. г., неинтенсивно для отдыха: *прогуливаться*), действие и его результаты, следствия (перемещаться из одного места в другое, оказываться где-л., совершая действие, н. м. г.). Мутационные СЗ, в отличие от модификационных, «специализируются» на точном, а не обобщенном отражении связей между ситуациями, передают качественную специфику следствия, результата, цели и т. п.

Мутационные глагольные СЗ опираются на пропозициональные когнитивные модели категоризации, которые вычленяют элементы, дают их ха-

рактеристику и указывают связи между ними. Большая часть структур нашего знания, по мнению Дж. Лакоффа, имеет форму пропозициональных моделей [см.: Болдырев, 2000, 90]. Мутационные СЗ полипропозициональны, поскольку связывают несколько ситуаций воедино.

Вероятно, СЗ других частей речи могут отражать и другие когнитивные структуры. В целом, вопрос о том, какие типы когнитивных моделей и фреймов могут репрезентировать русские СЗ, только поставлен и находится в стадии осмысления.

2. СЗ репрезентируют когнитивные структуры, являющиеся нечеткими понятиями, или понятиями с нечеткими краями. Существование именно таких структур знания целесообразно и необходимо для мышления человека, функционирования его сознания: только такие понятия позволяют человеку категоризировать постоянно изменяющиеся явления действительности, называть их с помощью известных ему номинативных единиц, строить достоверные умозаключения при неполной информации и т. п.

СЗ не являются конструктами с четко ограниченным объемом и содержанием, поскольку практически любой компонент СЗ может быть нечетким множеством. Компонентная структура СЗ до определенной степени аналогична структуре лексического значения: в СЗ можно выделить категориально-словообразовательную сему (КСС) и уточняющие ее дифференциальные (ДСС), например, в СЗ «совершать действие, названное мотивирующим глаголом (в дальнейшем – н. м. г.), не раз/один раз» КСС – это компонент «совершать действие, н. м. г.», а ДСС – эксплицитная сема «не раз/один раз» и имплицитная сема субъекта, совершающего действие, н. м. г.

Во всех типах СЗ (и мутационных, и модификационных) нежестко очерченным является тот компонент значения, который формулируется как «действие, названное мотивирующим глаголом»: качественная специфика такого действия никак не определена – это любое действие, которое может быть модифицировано способом, заданным словообразовательным значением.

В полипропозициональных мутационных СЗ русского глагола нечетким может быть и категориально-словообразовательная сема, фиксирующая следствие – результат совершения действия, н. м. г. В этом случае состояние, являющееся результатом совершения действия, н. м. г., передается в толковании СЗ с помощью нескольких семантически близких глаголов, которые относятся к «психологическим синонимам» («углубить(ся), вникнуть во что-л., свыкнуться, освоиться, длительно совершая действие, н. м. г.): *вдуматься, вжиться*), связаны родо-видовыми отношениями («уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить, совершая действие н. м. г.): *скормить, сглотать*) или являются антонимами («приобрести/утратить какие-л. свойства, длительно совершая действие, н. м. г.): *выбегаться* ‘долго бегая, окончательно перестать хотеть совершать это действие, т. е. потерять качество желания и приобрести новое качество удовлетворения тем, сколько раз совершил это действие’).

В мутационных глагольных СЗ недостаточно определенно характеризуется и способ совершения действия, который является причиной появления фиксируемого словообразовательным значением следствия-состояния. В этом

случае дифференциальная словообразовательная сема способа совершения действия может быть представлена несколькими конкретизаторами, реализация каждого из которых влечет за собой появление зафиксированного в СЗ результата: «прекратить действие, н. м. г., после длительного/интенсивного/многократного его совершения»: *перебеситься* (весь комплекс факторов может действовать одновременно или в разных сочетаниях), *перебродить* (только после длительного брожения).

Таковы же и субъектно-объектные семы СЗ. Семантические отношения типа «субъект – действие» и «действие – объект» должны быть отнесены, по мнению А. А. Уфимцевой [1998], к константам сознания, они являются единицами концептуальной модели мира и не могут не присутствовать в языковой картине мира, но на разных уровнях языка выражаются неоднотипно, маркируются с разной степенью вероятности. Так, сема субъекта в СЗ часто имплицитна, не манифестирована отдельной лексемой в его толковании, в то время как сема объекта эксплицитна.

Субъект, по мнению Г. А. Золотовой и А. В. Бондарко, – это любая субстанция, являющаяся источником приписываемого ей неpassивного предикативного признака. На уровне деривационного глагольного значения субъект отражен в толковании СЗ лишь в том случае, если специализирован в качественном и количественном отношениях, например, СЗ ‘с. д., субъектом которого являются взаимодействующие друг с другом одновременно субъекты’: *сосуществовать*; ‘с. д., производителем которого являются все субъекты’ (СЗ распределительно-субъектного СГД): *повставать*; ‘переместиться куда-либо в большом количестве’: *набежать* и под.

В отличие от субъекта действия, объект действия, «зависимая от предиката неактивная субстанция, на которую направлен или которой так или иначе касается предикативный признак» [Бондарко, 1992], обычно представлен в толковании СЗ с помощью местоимений *кого/что*, реже с помощью конкретизаторов *со всех сторон, на многие части объекта, на все объекты* и под. Но такие конкретизаторы определены лишь в грамматическом аспекте – указывают на одушевленность/неодушевленность объекта, охватывая в то же время начительный по объему класс слов, обозначающих качественно различные явления.

В монопропозициональных модифицирующих СЗ достаточно размыты, допускают субъективное осмысление признаковые семы: «совершать действие, н. м. г., долго/какое-то время, со значительной/незначительной интенсивностью, многократно» и т. п.

В ряде глагольных СЗ неопределенны несколько сем сразу: категориально-словообразовательная и дифференциальные – «прийти в состояние удовлетворения, пресыщения (КСС), совершив действие, н. м. г. (ДСС 1), длительно, интенсивно, в достаточной степени или в избытке (ДСС 2)»: *набегаться*.

Если согласиться с тем, что в основе СЗ лежит фреймовая структура, то варьироваться могут как ее ядерная часть (см. мутационные СЗ с нежестко заданной категориально-словообразовательной семой), так и слоты, связы-

вающие данный фрейм с другими (см. СЗ с нежестко или предельно широко заданными дифференциальными семами).

Таким образом, размытость, нежесткость информации, фиксируемой СЗ, создается за счет недостаточной конкретизации различных его сем, но в то же время является обязательным признаком СЗ, которое должно объединять в «пространстве» производного слова значительный класс неоднородных ситуаций.

3. Пропозициональные и схематические когнитивные структуры, скрывающиеся за глагольными СЗ, могут обладать разной степенью сложности. СЗ русского глагола репрезентируют от 3 до 6–7 компонентов ситуации одновременно. Так, СЗ «совершать действие, н. м. г., не раз/один раз» (*кричать, крикнуть*) включает имплицитную сему субъекта и эксплицитные семы «совершать действие, н. м. г.» и «не раз/один раз»; СЗ «довести до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия истощенности) с помощью действия, н. м. г.» (*укачать*) – имплицитные семы субъекта и объекта воздействия, способа совершения действия («длительно, интенсивно или многократно») и эксплицитные семы следствия («до нежелательного состояния»), причины («с помощью действия, н. м. г.») и модальности («нежелательное состояние»).

Полиаспектность и многокомпонентность СЗ обуславливают высокую степень дифференцированности словообразовательных конструкторов. Последнее увеличивает количество потенциальных альтернативных схем, которые могут быть использованы носителем языка для восприятия одного и того же объекта. Это признак сложности существующей деривационной системы.

Полиаспектность СЗ обуславливает также широкую пересекаемость отдельных значений и полевой характер организации деривационной семантики в целом.

4. Разные когнитивные структуры, скрывающиеся за СЗ, их неодинаковая семантическая сложность обуславливают неоднотипность СЗ с точки зрения свойственного им уровня обобщения: традиционно в словообразовании выделяют обобщенные и конкретные СЗ, которые желателно соотнести с понятием прототипического уровня представления знаний в сознании человека. Можно предположить, что ядерные СЗ русского глагола имеют прототипическую природу.

Прототипы какой-либо категории обладают наибольшей психологической выделенностью, когнитивной точкой референции, максимальной типичностью для данной категории, максимальной информативностью: они имеют наибольшее количество характеристик, общих с другими членами данной категории, и наименьшее количество признаков, характерных для других категорий. Прототипы характеризуются средним уровнем обобщения (не относятся ни к супер-, ни к субординатному уровням) и потому максимально удобны для обыденного сознания [см.: Болдырев, 2000, 76–78].

Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать семантику одного из деривационных полей, например поля кратности. В нем нет максимально абстрактного суперординатного значения «совершить действие, н. м. г., N раз». Данное поле разбивается на два или три подполя – однократного,

многократного и двукратного совершения действия. К последнему относятся СЗ, аналогичные следующему: «совершить действие, н. м. г., еще раз, повторно/иначе/дополнительно/для восстановления утерянного результата/в ответ на другое действие»: *переписать, прикупить, воссоздать, отдарить*. Такие СЗ фиксируют как минимум двукратное совершение действия.

СЗ именно этого второго уровня являются прототипическими для остальных значений, составляющих это поле: на базе этих смыслов, по терминологии Н. Ю. Шведовой [1999, 3–16], порождаются суперординатное СЗ кратности вообще и субординатные СЗ третьего – шестого уровней: «совершить действие, н. м. г., один раз» → «совершить действие, н. м. г., один раз интенсивно/неинтенсивно»: *стегануть, сполоснуть* → «совершить действие, н. м. г., один раз, интенсивно, неожиданно»: *взвизгнуть* → «совершить действие, н. м. г., однократно, неинтенсивно, в течение короткого времени»: *прихворнуть*; «совершить действие, н. м. г., еще раз» → «совершить действие, н. м. г., еще раз, чтобы изменить его результат/чтобы восстановить утраченный, но необходимый результат/чтобы добавить что-л./в ответ на другое действие»: *переписать, воссоздать, отдарить, прикупить* и т. д. Именно СЗ «совершить действие, н. м. г., один/два/несколько раз» являются базовыми, прототипическими, они первыми актуализируются в сознании носителей языка при упоминании понятия «кратность».

Таким образом, когнитивный анализ СЗ отчетливо показал, что словообразование эффективно обеспечивает «механизмы свертки более сложных и развернутых наименований в более компактные обозначения», механизмы модификации воспринимаемой ситуации в сознании человека, способность представить и описать наблюдаемое явление по-разному [см.: Шведова, 1999, 3–16]. Последнее, по мнению Е. С. Кубряковой, и является главной особенностью когнитивной грамматики.

Проведенный анализ глагольных СЗ свидетельствует о том, что обращение к когнитивным аспектам русского словообразования позволит глубже понять природу СЗ и скрывающихся за ними когнитивных структур, выявить особенности словообразовательной категоризации мира, определить, какие элементы человеческого опыта уже получили отражение в концептуальной и деривационно-языковой картине мира, с какой степенью подробности и глубины фиксируется словообразованием и средствами других уровней языка та или иная ситуация.

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.

Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж, 1999.

Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака: Памяти Р. Якобсона // *Вопр. языкознания*. М., 1993. № 4. С. 20–27.

Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты морфологии // *Язык: теория, история, типология*: Памяти В. Н. Ярцевой. М., 2000. С. 22–27.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.

Павиленис Р. Язык. Смысл. Понимание // Язык. Наука. Философия. Логико-методологический и семиологический анализ. Вильнюс, 1986.

Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопр. языкознания. М., 1999. № 1. С. 3–16.

Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск, 1979.

Е. И. Голованова

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНА: КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Отечественное терминоведение с момента своего возникновения отличалось пристальным вниманием к вопросам теории термина, его места в языке, в системе знаний. В последние пятнадцать лет издан ряд обобщающих работ, посвященных этим проблемам [см., например: Суперанская и др., 1989; 1993; Комарова, 1996; Султанов, 1996; Татаринов, 1996; Лейчик, Бесекирска, 1998; Лемов, 2000; Буянова, 2002 и др.]. Конец XX – начало XXI в. знаменует собой новый этап в развитии теории термина, что связано с появлением когнитивного подхода к анализу терминологических единиц. Опубликовано множество статей в данном аспекте, а также и ряд монографий [см., например: Володина, 1997; 2000; Манерко, 2000; Алексеева, Мишланова, 2002; Мишланова, 2002]. Совокупности терминов рассматриваются в подобных исследованиях с точки зрения теории знания и познания, как результат когнитивной деятельности специалиста. Вместе с тем требует своего обоснования и разработки взаимосвязанный с данным аспектом изучения термина коммуникативный подход, позволяющий видеть в нем необходимый инструмент профессиональной коммуникации, средство актуализации профессиональных знаний в процессе деятельности. Иными словами, на повестку дня выдвигается вопрос о природе и свойствах термина как когнитивно-коммуникативной единицы.

Теоретической основой данного подхода является положение о деятельности природы языка, в соответствии с которым язык рассматривается как когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникативной деятельности и обеспечиваемый особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу [см.: Кубрякова, 1997].

Проблема установления специфики термина как языкового знака оказывается в русле общего направления современных лингвистических исследований: в связи с углублением когнитивной ориентированности изучения языка встала задача выявления видов и типов языковых знаков, видов и типов знаний, представленных в этих знаках, и механизмов извлечения из знаков этих знаний, т. е. правил интерпретации и условий возникновения и развития знаков, а также принципов, регулирующих их функционирование [см.: Крав-